

МОДЕРНИЗАЦИЯ И НЭП: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПРОВАЛА «НЭПОВСКОГО ПУТИ К СОЦИАЛИЗМУ»

В статье предпринимается попытка объяснить причины провала нэповской политики большевистской партии с точки зрения одного из вариантов модернизационного подхода, разработанного западным социологом Ш. Эйзенштадтом. Вывод о роли, которую в этом сыграла инверсия модернизационных и традиционных ценностей общества, коррелируется с новейшими трактовками НЭПа в российской историографии.

В современной российской историографии, занимающейся изучением истории России 1920-х гг., одно из центральных мест занял вопрос об альтернативности НЭПа, о тех потенциальных возможностях, которые открывала перед страной новая экономическая политика, и о том, почему они не были до конца реализованы [1, с. 104-106].

Ряд авторов отстаивали точку зрения, согласно которой политика НЭПа в случае дальнейшего творческого развития заложенных в нее Лениным принципов была способна стать «дорогой к социализму», избавленной от колоссальных социальных издержек сталинского «великого перелома». Наиболее вероятный вариант такого развития событий связывался с идеями и действиями Бухарина и его сторонников [2, с. 284-326].

Однако большее распространение получило мнение об изначальной обреченности «нэповского пути к социализму» в силу кардинального противоречия между многоукладной экономической системой послереволюционной России и однопартийной большевистской диктатурой [3]. Как отмечал, например, В.А. Шишкин, «реформы нэпа в значительной степени стали бесплодными и кратковременными, ибо всякий шаг по пути их развития неизбежно упирался в политический тупик... именно политический режим являлся тем тормозом развития нэпа, который в конечном итоге привел к его общему кризису» [4, с. 249-250].

Многочисленные конкретно-исторические исследования последних лет дают новые аргументы сторонникам обеих точек зрения, что свидетельствует о незавершенности этой дискуссии и ее научной актуальности. Становится все более очевидным, что причины свертывания в конце 1920-х гг. НЭПа имели очень сложный, многоуровневый характер, представляли собой сплетение различных факторов объективного и субъективного свойства.

Огромную роль в более глубоком и всестороннем изучении этих факторов играют новей-

шие публикации источников по российской истории 1920-х гг.

Например, целый ряд документальных публикаций по истории крестьянства и коллективизации [5] позволяет аргументированно говорить о том, что сложность поземельных отношений в послереволюционной деревне, отражавшая многоукладность не только всей российской экономики, но и самого сельского хозяйства, породила не менее сложную социальную структуру нэповской деревни, не укладывавшуюся в «прокрустово ложе» упрощенного большевистского классового деления на кулаков, середняков и бедняков. Дальнейшее развитие получают в этом отношении выводы, сделанные в свое время в известной монографии В.П. Данилова [6]. В частности, в монографии Н.П. Носовой была убедительно показана неэффективность многих управленческих решений в сельском хозяйстве, проистекавших из приоритета идеологических соображений над практическими потребностями развития сельскохозяйственного производства, требовавшими максимального учета фактора многоукладности российской деревни [7].

Публикации документов высшего партийного руководства [8] придали новый уровень обоснованности ранее сделанному выводу о решающей субъективной роли Сталина в отказе от нэповского курса. Особенно хорошо роль Сталина в «удушении НЭПа» выявляется при анализе стенограмм партийных пленумов 1928-1929 гг. Можно сказать, что этой публикацией подведена документальная база под утверждение о том, что именно на этих пленумах в борьбе против т. н. «правого уклона» Сталиным и его сторонниками был совершен решающий поворот, воплотившийся в положившую конец НЭПу насильственную коллективизацию 1929-1930 гг.

Заметную роль в современных исследованиях также играет обращение ряда историков

к жанру социальной истории. Изучение истории 1920-х гг. под таким углом зрения позволяет сделать важные выводы о том, как в повседневной жизни различных социальных слоев и групп преломлялась многоукладная экономика, порождавшая противоречивую действительность нэповской России [9].

В целом можно сказать, что характерной чертой изучения НЭПа, как и вообще современного состояния отечественной исторической науки, стало значительное расширение не только диапазона и глубины исследований, но и активное обновление методов и инструментов научного поиска, в том числе и за счет творческого применения междисциплинарного подхода [10].

Одним из примеров использования историками методов исследования социальной действительности, разработанных в таких отраслях общественнознания, как социология и политология, стало обращение к модернизационной теории, возникшей в зарубежной науке в 1950-е гг. Исследования, основанные на этой теории, позволили по-новому взглянуть на историю индустриального преобразования ряда стран мира. В частности, американскими социологами и историками были созданы компаративистские исследования модернизации на российском материале, содержащие ряд интересных, хотя и не бесспорных утверждений относительно специфики российской модернизации [11].

Наиболее активно применением модернизационного подхода к исследованию различных периодов отечественной истории, включая и советский период, занимается в настоящее время коллектив историков Института истории и археологии Уральского отделения РАН под руководством академика В.В. Алексеева. Кроме издания первого в российской историографии комплексного исследования российской модернизации, уральскими историками издаются статьи по данной проблематике, проводятся научные конференции [12].

Эти и другие работы российских авторов позволяют говорить о том, что гносеологический потенциал различных вариантов модернизационного подхода в наибольшей мере проявляется при изучении тех периодов отечественной истории, которые носили ярко выраженный переходный характер. В этой связи нельзя не обратить внимания на возможность его применения и к истории России/СССР 1920-х гг.

В новейших исследованиях по НЭПу уже высказана точка зрения о том, что именно ре-

шение задач завершения индустриальной модернизации страны объективно оказалось ключевой проблемой, с которой столкнулась новая власть в 1920-1930-е гг. [13, с. 9].

Поэтому политику НЭПа можно рассматривать как политику, объективной целью которой являлось осуществление начатой еще при предыдущем режиме индустриальной модернизации страны. Но с тем принципиальным отличием, что такая модернизация облекалась в «социалистические одежды» и проводилась при политическом режиме однопартийной большевистской диктатуры. Тогда и вопрос о причинах неудачи «нэповского пути к социализму» может быть рассмотрен под несколько иным углом зрения: как вопрос о причинах (пользуясь принятой в теории модернизации терминологией) нэповского «модернизационного срыва».

Такой подход, конечно, ни в коей мере не означает отказа от уже обоснованных в научной литературе выводов о роли, которую в неудаче нэповского эксперимента сыграли различные объективные и субъективные факторы, включая уже упомянутые выше противоречия многоукладной экономики России, авторитарный характер большевистской власти или конкретные действия высшего руководства партии и страны, включая Сталина, его сторонников и оппонентов. Речь идет лишь о том, что подобное расширение исследовательского поля позволяет глубже понять механизм действия этих факторов, в чем-то уточнить или скорректировать существующие в историографии точки зрения.

В настоящей статье предпринята попытка применить к объяснению причин провала нэповского курса одного из вариантов модернизационного подхода, разрабатываемого на протяжении более сорока лет влиятельным западным социологом Ш. Эйзенштадтом и его школой [14, с. 5-22].

В отличие от других модернизационных концепций, часто апеллирующих только к материалу XX в., Ш. Эйзенштадт широко использует исторический материал самых разных эпох и стран [15]. Именно «историческое измерение» (по определению самого автора) позволило ему подвергнуть убедительной критике упрощенные, линейные и дихотомические модели модернизации, ранее господствовавшие в западной социальной науке.

Уже в начале 1970-х гг. Ш. Эйзенштадт пришел к принципиально важному выводу о том,

что процесс модернизации не носит и не может носить универсального характера, а его конкретное протекание в значительной мере зависит от исторических традиций данного общества [16]. В дальнейшем, развивая свой подход, он сформулировал положение о том, что имеются различные модели модернизации (равно как и модели индустриального общества), которые, обладая рядом общих характеристик, вместе с тем могут трансформироваться в «разных направлениях, что зависит от конкретной исторической ситуации» [17].

Особое внимание в работах Ш. Эйзенштадта было уделено именно изучению на примерах самых разных стран тех «срывов», которые могут происходить в процессе модернизации. Исход таких срывов может быть различным: от изменения типа модернизационного процесса до его остановки и поворота вспять [18]. Но именно характер этих срывов часто играет роль своеобразной качественной детерминанты не только самого процесса модернизации, но и типа того индустриального общества, которое образуется в его результате.

Одной из важнейших причин «модернизационных срывов», согласно подходу Ш. Эйзенштадта, является неспособность новой правящей элиты в рамках уже проводимого политического курса обеспечить адекватную поддержку своим действиям со стороны различных социальных групп путем их консолидации на основе выработки новой системы ценностей. Такая система должна строиться не на полном отвержении прежних, традиционных представлений, а образовывать своего рода синтез новых символов (ценностей) и той части традиции, которая им не противоречит. Одной из потенциальных опасностей, способных поставить общество на грань модернизационного срыва, является «инверсия», то есть попытка такой ценностной консолидации, при которой модернизаторские ценности приспособляются к традиции, порождая не синтез, а причудливую амальгаму нового и старого [19].

В работах российских историков, посвященных социальной истории страны нэповских времен, уже обращалось внимание на то, что годы революции и гражданской войны в значительной степени архаизировали российский социум, в результате чего не только в деревне, но и среди значительной части городского населения усилились роль и влияние традиционных ценностей, противоречивших радикальной

преобразовательной идеологии, положенной в основу большевистской доктрины [20].

Фактически речь идет о том, что в эпоху НЭПа страна вступала в ситуации социокультурного конфликта или даже раскола между проповедующей социалистические (модернизаторские по своему объективному содержанию) цели властью и подавляющим большинством общества. Как справедливо заметил А.К. Соколов, в 1920-е годы «уровень народа оказался в вопиющем противоречии с взглядами политических лидеров» [21, с. 119].

Многоукладная социально-экономическая действительность России отреагировала на новую экономическую политику стихийным воспроизводством многих элементов прежнего аграрного общества.

Например, восстанавливающееся крестьянское хозяйство более органично воспроизводило натуральные формы своей организации, нежели товарно-рыночные [22, с. 221-237]. Земельные общества, то есть традиционные общины в лице их сельских сходов, даже во второй половине 1920-х гг. играли в деревне гораздо более значительную роль, нежели сельские советы, часто оказывавшиеся по сути зависимой от сельских сходов структурой [23]. Сохранились и традиционные формы крестьянского быта, «качественного изменения в повседневной жизни крестьянства в период нэпа не произошло» [24, с. 436].

Рабочий класс в промышленности по своему общему социально-культурному уровню, мотивации и поведению плохо соответствовал большевистской иллюзии носителя «передового классового сознания», 1920-е годы были отмечены для пролетариата «преобладанием традиций, лишь поверхностно затронутых новыми веяниями» [25, с. 91]. Новое большевистское чиновничество стремительно воспроизводило все прежние пороки старого российского чиновничества [26].

На фоне стабилизации внутривнутриполитической ситуации, сравнительно быстрого восстановления благодаря рыночным механизмам нэпа экономики страны большевистское руководство склонно было недооценивать значение этих процессов. Во многом это было связано с тем, что, по мнению, получающему все большее распространение в современной историографии, НЭП не представлял из себя заранее разработанной четкой программы развития страны, а являлся скорее циклом «последовательных и

непоследовательных мероприятий, проводимых в стране, по выходу из кризиса, которые диктовались скорее объективными обстоятельствами, чем какими-либо идеями и схемами, лишь постепенно оформлявшимися в попытку наметить программу построения социализма экономическими методами» [27, с. 9].

Однако в середине 1920-х гг. процесс восстановления довоенного уровня народного хозяйства в целом завершился, с экономической и технологической точек зрения СССР в основном вернулся на ту ступень индустриального развития, которой Российская империя достигла к началу Первой мировой войны. В то же время и количественные, и качественные показатели народного хозяйства существенно уступали аналогичным показателям передовых стран Запада, а с точки зрения общей структуры экономики «СССР находился на начальном этапе индустриализации» и в стране «объективно складывалась ситуация экономического застоя и военного бессилия» [28, с. 397, 398].

Перед большевистским руководством во весь рост встала задача осуществления ускоренного индустриального развития на новой качественной базе. В решениях XV партийной конференции (1926 г.) было прямо указано, что «все усилия партии и Советского государства должны быть направлены на обеспечение такого расширения основного капитала, которое обуславливало бы постепенную перестройку всего народного хозяйства на более высокой технической базе» [29, с. 72].

Эта политика, требовавшая приоритета накопления перед потреблением и, следовательно, неизбежно тормозившая рост уровня жизни населения, нуждалась в соответствующем идеологическом оформлении, которым и оказался выдвинутый Сталиным лозунг «строительства социализма в одной отдельно взятой стране».

Этот лозунг, вернее, сформулированная на его основе конкретная программа строительства социализма, и должны были сыграть роль своего рода «ценностного интегратора» (в терминологии Ш. Эйзенштадта), консолидировать еще архаичный в основной своей части социум вокруг модернизаторских задач индустриального преобразования страны.

Однако социализм с такими его основными атрибутами, как общественная собственность и социальная справедливость, в традиционной крестьянской системе ценностей интер-

претировался как сохранение привычного образа жизни при резком улучшении материального положения и примерно равном имущественном положении, причем произойти эти изменения должны были «все и сразу». В известной мере этими же настроениями был проникнут и рабочий класс, в котором за годы Гражданской войны и НЭПа произошли качественные изменения, связанные с увеличением притока выходцев из деревни.

Иначе говоря, на уровне массового сознания новые ценности, провозглашаемые властью, облекались в формы, диктуемые традицией, но пропущенные через опыт революционных потрясений, внушавший представление о возможности достижения любой цели в кратчайший срок с использованием инструментов насилия над реальностью. Как отмечает В.П. Булдаков, сквозь пласты прежней культуры «стала неуклонно просачиваться социокультурная архаика» [30, с.272]. Создались условия для поглощения «высокой» культуры постреволюционной агрессивной субкультурой масс [31, с. 215].

В условиях СССР 1920-х гг. роль «высокой» культуры в известной мере стремилась играть, вытеснив своих дворянско-буржуазных предшественников, большевистская идеология. Будучи, как уже отмечалось, по своей объективной направленности идеологией радикальной модернизации России, она должна была приспособить под потребности модернизации традиционные представления и стереотипы населения страны. Но фактически происходил обратный процесс: власть в условиях НЭПа начала приспособлять свою идеологию под нарастающее давление со стороны масс.

Лозунг строительства социализма в одной России вполне укладывался в традиционное православное представление об особом, отдельном месте России в мире. Ревизуя одно из основных положений ортодоксального марксизма («социализм возможен исключительно как мировое явление»), сталинское руководство делало решающий шаг в направлении «национал-большевизма», то есть приспособления партийной доктрины к умонастроениям масс, не желавших откладывать наступление «светлого завтра» в отдаленное будущее.

В этом же ряду находилось и усиление классовых, антинэповских, уравнилельных мотивов в идеологической пропаганде ВКП (б), «спецедство», подстраивание системы высшего обра-

зования под уровень выходцев из рабочей и крестьянской среды и другие явления, характерные для социокультурной ситуации второй половины 1920-х гг.

В самом этом явлении при всей его конкретно-исторической специфичности нельзя не видеть проявления одной традиционной черты всех российских модернизаций – «рождение новых модернизационных структур может быть поставлено на службу традиционным структурам, поддерживать и даже активизировать традиционные ценности, вплоть до разрушения, подавления перспективных новшеств, «точек роста» [32, с. 6].

Индустриализация, в которой большевистское руководство видело ключ к решению задачи «построения социализма», предполагала одновременное решение еще целого ряда качественных задач: урбанизации и формирования городского общества и современной городской культуры, рационализации управления и мышления, развития массового образования, создания условий для высокой социальной мобильности населения и т. д.

Однако, как показала практика разработки первого пятилетнего плана, индустриализация в конечном итоге была сведена исключительно к количественным показателям промышленного роста, «экономический анализ и сложный поиск эффективных хозяйственных решений подменялись составлением планов, включающих желаемые показатели развития народного хозяйства» [33, с. 233]. Подобное «упрощение действительности» до доступного традиционному мировоззрению количественного ее измерения является еще одним доказательством своеобразной инверсии модернизационных и традиционных ценностей, происходившей в условиях НЭПа.

Традиция благоприятствовала и воспроизводству привычной для российской цивилизации системы взаимоотношений власти и общества. В подобных ситуациях, возникающих, по

определению Ш. Эйзенштадта, в «революционных режимах», новая элита, объединенная в партию, при всей радикальности провозглашаемых ею лозунгов и целей на самом деле постепенно приобретает все большую степень преемственности по отношению к предыдущей традиционной политической системе, построенной на авторитарном принципе власти [34].

Подобная эволюция большевистского режима, происходившая наиболее интенсивно во второй половине 1920-х гг. и подводящая властную систему к воспроизводству традиционных форм жестко централизованного управления сверху при опоре на бюрократию, предопределила как отказ от нэповского курса, так и конкретную форму последующей форсированной модернизации «по-сталински».

Поэтому нельзя не согласиться с мнением В.П. Булдакова о том, что цивилизационная традиция поглотила революционный порыв ортодоксального большевизма, что привело к ориентации социокультурного пространства нэповской России на утверждение «архаично-деспотической формы модернизации» [35, с.215].

Таким образом, используя модернизационную концепцию Ш. Эйзенштадта, можно сделать вывод, что одной из причин провала «нэповского пути к социализму» (иначе говоря, нэповского, эволюционного варианта модернизации) оказалась инверсия модернизационных и традиционных систем ценностей. Большевистский режим в социокультурном отношении оказался своего рода «заложником» всей предшествующей ситуации раскола российского традиционного общества. Глубина и острота раскола элиты и массы были не преодолены, а лишь еще более усугублены в послереволюционной России.

Это обстоятельство дополняло и усиливало другие причины, подрывавшие возможность продолжения нэповского курса, что в конечном итоге и привело к «великому перелому» 1929-1930 гг.

Список использованной литературы:

1. Орлов И.Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. №1.
2. См. напр.: Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. Нэп и его судьба // Историки спорят. М.,1988. С.122-190; Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития? // Осмыслить культ Сталина. М.,1989.
3. См. напр.: Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М.,2000; Горинов М.М., Данилов А.А., Дмитренко В.П. XX век: выбор моделей общественного развития. М.,1994; Историческое значение нэпа. М.,1990; Новиков М.Н. Исторический опыт НЭПа: идеи и реальности. М.,1997; НЭП в контексте исторического развития России XX века. М.,2001; НЭП: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М.,1998; Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М.,1999; Россия нэповская. М.,2002.
4. Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917-1928 гг.). Спб.,1997.

5. Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4 т. М., 1998, 2000. Т.1-2; Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. М., 1999-2000. Т.1-2.
6. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.
7. Носова Н.П. Управлять или командовать?: Государство и крестьянство Советской России (1917-1929). М., 1993.
8. Большевикское руководство. Переписка 1912-1927. М., 1996; Как ломали нэп: Стенограммы Пленумов ЦК ВКП (б). 1928-1929 гг. В 5 т. М., 2000; Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. 1925-1936 гг. Сб. документов. М., 1995; Советское руководство. Переписка. 1928-1941. М., 1999.
9. См. напр.: Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.287-334; Ибрагимов Д.Х. Рыночные свободы и сельский менталитет. Чего жаждал крестьянин при нэпе? // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С.260-275; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002; Российская повседневность 1921-1941: новые подходы. Спб., 1995; Соколов А.К. «Создадим единый фронт борьбы против нэпа» (Анализ общественных настроений конца 20-х годов по письмам и откликам советских граждан) // НЭП: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998. С.114-159; и др.
10. Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996; Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М., 2003.
11. McDaniel T. Autocracy, Modernization, and Revolution in Russia and Iran. Princeton (N.J.), 1991; The Modernization of Japan and Russia. A comparative study. N.Y.-L., 1975.
12. Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. №5. С.3-20; Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века. М., 2000; Российская модернизация XIX-XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997.
13. Историческое значение НЭПа. М., 1990. С.6; Россия нэповская. М., 2002.
14. О взглядах Ш.Эйзенштадта см.: Ерасов Б.С. Ш.Эйзенштадт и его концепция общества и истории // Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.
15. В обобщенном виде такой подход представлен в: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций.
16. Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. N.Y.-L., 1973.
17. Patterns of Modernity. Ed. by S.N.Eisenstadt. N.Y., 1987. Vol. I. P.10.
18. См.: Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1966. Ch.6-7.
19. Ibid. P.143,148.
20. Булдаков В.П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С.196-220.; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Указ. соч.
21. Соколов А.К. «Создадим единый фронт борьбы против нэпа» (Анализ общественных настроений конца 20-х годов по письмам и откликам советских граждан)// НЭП: завершающая стадия.
22. Роголина Л.Н. Нэп как реформа (Аграрный аспект) // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001.
23. Кудюкина М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход. 1926-1929 гг. // Историческое значение НЭПа. М., 1990. С.109-128; Куреньшев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000.
24. Россия нэповская. М., 2002.
25. Тяжелникова В.С., Соколов А.К. Отношение к труду: факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004.
26. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы. М., 2001.
27. Соколов А.К. Историческое значение нэпа // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001.
28. Россия нэповская. М., 2002.
29. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т.4.
30. Россия нэповская. М., 2002.
31. Булдаков В.П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001.
32. Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1993.
33. Мау В.А. Реформы и догмы. 1914-1929. Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993.
34. Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. P.315.
35. Булдаков В.П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001.